

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ МЕЛЬНИКОВ В ПАМЯТИ ЕГО БЛИЗКИХ

Т. П. Мельникова

Мой отец, Мельников Павел Иванович, относится к поколению воспитанных Великим Октябрем советских ученых, которые с огромным энтузиазмом строили новую жизнь, создавали новую культуру, науку. Это было время легендарных походов и открытий, освоения безмолвных просторов тундры и необжитых районов Сибири. Это был прекрасный век и в то же время, как писал Осип Мандельштам, „Век мой, зверь мой, кто смеет заглянуть в твои зрачки?“. Наш век, истерзанный двумя мировыми войнами, в которых проявилось варварство, воспринимается по-разному.

Мне хотелось бы восстановить по рассказам и воспоминаниям, какой же он был человек в жизни, в поступках, мой отец, родившийся в начале этого века и прошедший становление ученого именно в этом веке.

После смерти своей матери мой отец был отдан в приют. В детстве он был маленьким худеньким мальчиком. Его старшая сестра рассказывала мне, что однажды увидела: сидит он на камушке и плачет. „Павлик, что случилось с тобой?“ — „Большие мальчишки отняли хлеб“. Детство было голодным. Но случались и радости. У Павлика был хороший голос и в христианские праздники он с группой мальчиков ходил по домам славить. Им за это давали много разных угощений и сладостей, которыми они делились со всеми детьми детского дома. Вот уж это были настоящие праздники. В нашем доме Пасха отмечалась всегда во все годы, несмотря на то, что отец был убежденным коммунистом. Да он и сам очень хорошо умел печь куличи.

После детского дома — учеба в Ленинградском военно-морском училище. Окончив общие курсы, он прекратил дальнейшую учебу, его тяготила военная дисциплина и необходимость бездумного выполнения всех приказов. Это было не для него. Оставив училище, пошел работать на завод „Красный Треугольник“, где был кройщиком галошного цеха. Свою новую продукцию он приносил на пробную носку (была такая форма) моей маме, которая гордо щеголяла по Ленинграду, демонстрируя новые модели резиновых ботинок. Завод направил его на учебу в Ленинградский горный институт и платил ему повышенную хозяйственную стипендию. Став

уже академиком, он написал секретарю парткома завода полный отчет о своих успехах, перечислив все свои ученые звания, награды и свой вклад в науку. Он писал: „Так сложилась моя судьба, в раннем детстве потерявшего родителей и получившего воспитание в Детском доме. На заводе произошло мое становление рабочего. Благодаря большой целеустремленности и огромному трудолюбию, я достиг высшего положения в науке. Это мой отчет, свидетельствующий о том, что я оправдал высокое доверие рабочего коллектива завода, направившего меня учиться в институт. Думаю, что для воспитания молодого поколения рабочих и истории завода жизненный путь его рабочего, посвятившего себя исследованиям наиболее сложных и трудных отдаленных районов нашей любимой Родины, может служить показательным примером“. Дирекция завода ответила ему и попросила прислать все материалы для музея завода. Трудное детство, работа на заводе приучили его рассчитывать на свои силы, на то, что знает и умеет. Это выработало в его характере особую твердость.

После института мой отец работал начальником партии Дальневосточной экспедиции Академии наук в районе БАМ. В его партии работали люди, отбывающие заключение в тех местах. Начальнику партии выдавали оружие, но отец никогда не брал его и со всеми рабочими был на равных. Как-то раз они его спросили: „Начальник, а почему ты не берешь оружие, не боишься один в поле с нами идти?“. Он ответил: „Нет, не боюсь, я верю, что вы меня не подведете“. Они были очень растроганы и действительно не подводили его. Любовь и вера в людей сопровождали отца всю жизнь. В его блокноте я нашла запись: „Человек счастливее во столько раз больше, сколько доставил радости другим“.

В Игарке он посадил первые деревья, чем опроверг мнение, что в Игарке деревьям не жить, создал Игарскую мерзлотную станцию, был членом горкома партии. Это были 1938—1939 гг. На одном из заседаний партийной организации обсуждалось поведение некоего работника, которого обвиняли в предательстве и объявляли врагом народа. Вот тогда отец встал и выступил в защиту этого члена партии с полной мотивировкой своей защиты. Потом он сделал все, чтобы

этот работник смог срочно уехать из Игарки. Много лет спустя, на одном из юбилеев отца этот человек сказал, что таким поступком отец, по существу, сохранил ему жизнь, а в то время это приравнивалось к подвигу. Отец, отстаивая правду, забыл, что у него семья — двое маленьких детей. Об этом пришлось подумать секретарю горкома партии Остроумовой, которая потом сидела в одной камере с женой Бухарина. Она срочно отправила нас в Москву.

В Якутске, вскоре после войны, он был на речном вокзале и увидел женщину с тремя детьми, которая горько плакала. Он спросил: „Что случилось, куда Вас отвезти?“. Она поведала ему о том, что ехать ей некуда, приехала она из Вятки к мужу, а он их не встретил и принимать не хочет, и она с детьми осталась без крова и денег. У отца к женщинам и детям всегда была особая жалость. Он погрузил их в машину и привез к нам домой. Потом старших детей отец устроил на работу и дал комнату, а мать их, Сашу, с младшим ребенком оставил в нашем доме помогать моей маме по хозяйству. Когда дети подросли, заработали денег и определили свою судьбу, они все уехали на родину в Вятку.

В нашем доме в Якутске всегда были рады гостям. В 50-е годы в Якутске еще не было приличной гостиницы. Поэтому высоких гостей обычно привозили в наш дом, который был за городом на территории Института мерзлотоведения. Нам приходилось тесниться или просто переселяться. К Якутии в то время уже проявляли интерес и политические деятели, и писатели, и иностранцы. Многие из них, пожив у нас, оставались на долгие годы нашими большими друзьями. Среди них были писатели Константин Симонов и Василий Ажаев. Василий Николаевич Ажаев писал книгу „Мерзлота“ и, естественно, главными героями были сотрудники Института и их директор П.И. Мельников. У Ажаева в дневнике за 1967 г. записано: ...Ч. Сноу на встрече спросил: „Зачем вы летите так далеко, что вы там потеряли и что ищете?“ Я ответил: „Без этой поездки книгу мне не дописать. Нужно снова окунуться в ту атмосферу и увидеть движение жизни, ведь я был там 10 лет назад. Страшно подумать. Болезнь нарушила тогда мои планы, связанные с северо-востоком. Книга теперь мыслится как размышления об итогах этого десятилетия. Вот, спустя 10 лет, я снова в знакомом месте. Перемены наглядные: белое каменное здание института, большой участок института, поселок в два ряда домов (их в 1957 г. только закладывали) и озеро из кембрийской воды. Мельниковы привезли к себе. Завтрак у милой Елены Устиновны, которая всегда заботлива. Меня устроили в комнате Аленушки, вытеснили девочку злодеи. Слава богу для приезжих гостей выбрали хорошее место на территории Институ-

та и строят дом из рубленого бруса. Институт будет обеспечивать его теплом из своей центральной отопительной системы. Даже беглый осмотр Института и первое знакомство с людьми говорит о солидном размахе, о большом хозяйстве. Дело безусловно выросло, рванулось. Сейчас в институте работает 260 человек. Едоков вместе с членами семей около 600. Всех нужно напоить, накормить и убрать за ними. Трудно и хлопотно быть директором такого Института. Многие сотрудники сами рыбачат, ходят на охоту, кое-кто держит кур. Кругом цветники и огороды. Академик Яншин назвал Институт, его площадку, „райским уголком“. Институт получает подписки и литературу из Канады, США, Чехословакии, ГДР, Польши“.

Это впечатления 60-х годов, а в 1946 г. Якутск посетили жена Орджоникидзе и сестра Ярославского. Их встретил темный деревянный город с удобствами во дворе. Когда мой отец — молодой начальник Якутской мерзлотной станции с увлечением и азартом рассказывал о том, как будут строить каменные дома и водопровод с канализацией, сестра Ярославского Клавдия, похлопав его по плечу, сказала: „Вот горячая мерзлота!“ Это выражение много лет потом повторяли. С такой же увлеченностью отец бесконечно говорил все последние годы своей жизни о строительстве тоннеля под Беринговым проливом. Он заразил этой идеей всех врачей больницы Академии наук, когда в 1992 г. лежал там с инфарктом. Они до сих пор вспоминают и удивляются: человек двумя ногами в мире ином, а строит немыслимые проекты о строительстве тоннеля.

Мы, все его близкие, поразились его мужеству и необыкновенной воле к жизни. После третьего пребывания в реанимации он сказал мне: „Знаешь, я знал, что не умру, я все время говорил себе — я буду жить“. И он сделал все от него зависящее, чтобы после такой тяжелой болезни прожить три года активной жизнью, хотя все медицинские светила предсказывали ему всего полгода в кресле.

Еще штрихи к портрету моего отца. Он был прекрасным танцором, получал призы за чарльстон, вальс бостон и танго. В доме отец умел и любил делать очень многое. Всегда что-то чинил, в молодости шил моей маме юбки и из веревок плел туфельки. Отец прекрасно пек пироги и часто баловал нас приготовлением завтраков. Его тосты с сыром были особенно вкусными. У него было необыкновенное умение покупать красивые вещи. Мамин гардероб состоял из нарядов, купленных отцом, а мы и сейчас с удовольствием носим кофточки, купленные отцом.

Отца никогда не покидало желание творить, он стремился поднять своих сослуживцев на высшие пьедесталы науки. Академик Черский писал

ему: „Вечный поиск и вечное утверждение истины и добра, их единства характерны тебе — лидеру науки мерзлотоведения“. Отец всю жизнь создавал себе кумиров и всем не давал покоя. Все вокруг крутилось и вертелось, создавая нового героя. К сожалению, очень часто ему приходилось переживать горькие минуты разочарования. Не все умели ценить его доброту.

В последние годы жизни он как член бюро Отделения был тесно связан с Отделением океанологии, физики атмосферы и географии Президиума РАН. Зам. академика-секретаря Отделения, чл.-корр. РАН В.Г. Нейман говорит: „В нашем Отделении Павла Ивановича помнят и любят как одного из немногих наших современников, кто был сердцем, душой и мотором Академии. Его неизменное жизнелюбие, неподдельный интерес к людям и ко всему, что их окружает, неиссякаемая доброжелательность, притягивали к нему сослуживцев. Павел Иванович в выборе своих единомышленников был глубоко чужд какой-либо субординации и не различал чинов и званий. Мы, сотрудники отделения, обязаны ему за то, что он был всегда нашей опорой и защитником от несправедливости. Само его присутствие среди нас не позволяло никому даже помышлять о каком-либо некорректном поступке или высказывании. В нашей Академии таких энтузиастов науки, как Павел Иванович, обладающих прекрасными человеческими качествами, на протяжении всей истории РАН было всего несколько человек. С его уходом от нас их почти не осталось“.

Особая страница его жизни — жизнь с нашей мамой, Мельниковой Еленой Устиновной. В кругу друзей он часто говорил: „Я влюбился в нее в 10 лет“. Они вместе вышли из детского дома и вступили в длинное путешествие протяженностью около 70 лет. Профессор Альпин в золотой юбилей их свадьбы писал: „Ваша полувековая дружба выдержала суровое испытание на славном пути через Ленинград, Москву, БАМ, Игарку, Якутск. Она не остыла в сибирской стуже и устояла на вечной мерзлоте“. Жизнь

диктовала свои условия и складывалась так, что часто им приходилось жить врозь. Но это были только физические разлуки, душой он всегда был привязан к ней, своей единственной Богине. Он писал из Якутска в Москву:

Вдали от очага родного,
От друга жизни и детей
Служу своей науке строго
Во имя торжества идей.
Опять один, один как прежде
В краю далеком и чужом.
В душе, истерзанной надеждой,
Что скоро будем мы вдвоем.
Опять печаль, опять разлука,
Дни одиночества вдали.
О, кто поймет, что это мука,
Что это жизни пагубные дни.

Наш отец, считают, был красивым мужчиной, ну, а уж что увлекающимся, мы знали все. За всю жизнь у него было романов не счесть, но мама всегда и всю жизнь была на высоте, недостижимой ни для кого. Все самое лучшее, все самое вкусное, все самое красивое всегда было для мамы. Он покупал и вез подарки из всех городов страны и мира. Это помнят все дети, внуки и правнуки.

Мама ушла из жизни первой. При прощании на Троекуровском кладбище он поцеловал ее и сказал: „Не грусти, Ленуля, я скоро приду к тебе“. Он как всегда сдержал свое слово. Ровно через три месяца они снова соединились. *Лебеди друг без друга не живут.*

Академик В.И. Вернадский писал: „Все решает человеческая личность и в значительной мере любое возрождение зависит от неизвестных нам законов появления больших личностей“. Я считаю, что мой отец был личностью и очень этим горжусь.